

УДК 372.881.161.1
ББК 74.268.19=411.2

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-245-255

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОМПОНЕНТОВ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА (на примере обращений)

О. Н. Левушкина

Аннотация. Данная статья посвящена разработке логики лингвокультурологического анализа компонентов речевого этикета на примере обращений. В статье раскрывается лингвокультурологический потенциал элементов речевого этикета, и в частности обращений. Предложено проводить лингвокультурологический анализ обращений в три этапа: во-первых, определение вида обращения на основе сферы его функционирования и способов его выражения; во-вторых, выявление функций, которые выполняет обращение в данном контексте, в зависимости от сферы функционирования и в связи со способами выражения; в третьих, в случае метафоричности и/или интертекстуальности обращения выявляются их дополнительные смысловые наращения путем культурологического комментария. Приведены примеры лингвокультурологического анализа обращений из писем А. С. Пушкина. Подчеркивается важная роль обучения лингвокультурологическому анализу в процессе обучения русскому языку как родному и как иностранному.

Ключевые слова: речевой этикет, обращение, лингвокультурологический анализ, лингвокультурологический потенциал, обучение русскому языку.

Для цитирования: Левушкина О. Н. Лингвокультурологический анализ компонентов речевого этикета (на примере обращений) // Наука и школа. 2024. № 2. С. 245–255. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-245-255.

© Левушкина О. Н., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF THE COMPONENTS OF SPEECH ETIQUETTE (using the example of forms of address)

O. N. Levushkina

Abstract. *This article is devoted to the development of the logic of linguistic and cultural analysis of the components of speech etiquette on the example of forms of address. The article reveals the linguistic and cultural potential of the elements of speech etiquette and, in particular, forms of address. It is proposed to carry out a linguoculturological analysis of address in three stages: firstly, determining the type of appeal based on the scope of its functioning and ways of its expression; secondly, identifying the functions that the appeal performs in this context, depending on the scope of functioning and in connection with the ways of expression; thirdly, in the case of metaphorical and/or intertextuality of the appeal, their additional semantic extensions are revealed by cultural commentary. Examples of linguistic and cultural analysis of forms of address from letters of A. S. Pushkin are given. The important role of teaching linguocultural analysis in the process of teaching Russian as a native and as a foreign language is emphasized.*

Keywords: *speech etiquette, address, linguoculturological analysis, linguoculturological potential, Russian language teaching.*

Cite as: Levushkina O. N. Linguistic and cultural analysis of the components of speech etiquette (using the example of forms of address). *Nauka i shkola*. 2024, No. 2, pp. 245–255. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-2-245-255.

Введение

Речевой этикет играет большую роль в формировании языковой личности обучающегося, поскольку несет яркий отпечаток культуры социума, в котором он формировался. В современной культуроориентированной и личностно ориентированной парадигме образования необходимо актуализировать обучение речевому этикету как важной составляющей лингвокультуры носителей языка.

Речевой этикет определяют как «совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения. Речевое поведение регулируется социальной иерархией, национальной культурой и этикетом, ритуалом, воспитанностью языковой личности, постоянной практикой, контролируемой сознанием» [1, с. 354]. Непосредственная связь речевого этикета с культурой народа – носителя языка проявляется в том, что речевой этикет – «важная часть культуры поведения и общения, продукт культурной деятельности человека» [1, с. 357].

Речевой этикет находится в сфере особого внимания лингвокультурологов, поскольку фиксирует в сознании носителя языка в виде определенных культурных стереотипов канонические ситуативные ритуалы общения: приветствие и прощание, обращение и извинение и др. – в деловом и разговорном, фольклорном и религиозном дискурсах, в официально-деловых и публицистических, поэтических и прозаических художественных текстах. В. А. Маслова относит область речевого этикета наряду с безэквивалентной лексикой, мифологизированными языковыми единицами, паремиологическим и фразеологическим фондами языка, эталонами, стереотипами, символами, метафорами и речевым поведением к «культуроёмким

единицам языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания» [2, с. 36; 3, с. 13]. В. В. Лунева рассматривает формулы речевого этикета как культурные стереотипы, «особым образом мотивированные знаки культуры» [4, с. 3], в которых закодированы нормы общения и которые «представляют собой сложное соединение социального и индивидуального, освященное национальной традицией» [4, с. 3]. По мнению исследователя, «культурные стереотипы реализуются в виде устойчивых этикетных формул» [4, с. 3], употребление которых «обеспечивает положительное речевое воздействие на коммуникантов и гармонизирует их поведение» [4, с. 3].

Исследователи говорят о том, что «единицы речевого этикета отражают постоянные социальные признаки участников общения: их возраст, степень образованности, воспитанности, место рождения, воспитания и жительства, пол, а также переменные социальные роли (товарищ, пациент, клиент, милиционер и др.)» [1, с. 354]. Французский стилист Ш. Балли называл это свойство этикетных речевых формул «социальным символизмом», отмечая, что они «впитывают в себя запах, присущий той среде и тем обстоятельствам, в которых они обычно употребляются», что «им удается символизировать, вызывать в сознании представление об этой группе с ее образом жизни или формами деятельности» [цит. по: 1, с. 354]. Естественно, что новые социокультурные условия и новые коммуникационные технологии «влияют на семантику и функционирование этикетных формул» [4, с. 4]. Все приведенные сведения говорят о том, что все компоненты речевого этикета обладают лингвокультурологическим потенциалом и для его выявления могут быть интерпретированы с помощью лингвокультурологического анализа.

Обсуждение

Остановимся на одном из компонентов речевого этикета – обращении. Обращение – неотъемлемый элемент речевого этикета. Обращение – это «слово или сочетание слов, называющее лицо (реже предмет), которому адресована речь. Обращениями служат собственные имена людей, названия лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, по национальному или возрастному признаку, по взаимоотношениям людей и т. д.; названия или клички животных; названия предметов или явлений неживой природы, обычно в этом случае олицетворяемых; географические наименования и т. д.» [5]. Обращение как значимый компонент речевого этикета описано, например, в работах Н. И. Формановской, А. А. Акишиной, В. Е. Гольдина и др. [6–8]. Исследователи подчеркивают прежде всего коммуникативную сущность обращений (Ф. И. Формановская, В. Е. Гольдин, А. А. Шмаков, И. В. Щербинина и др.). Как отмечает Н. И. Формановская, «в коммуникативных процессах обращение – одна из частотных единиц общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [9, с. 83].

Обращения – наиболее социализированные этикетные формулы, фиксирующие культурные коды, коррелирующие с изменениями в социуме (социальные изменения, произошедшие после 1917 г., обусловили смену общеупотребительного до революции обращения «господа» на другое общеупотребительное и социально маркированное – «товарищи»), в социальном статусе человека (если человека в СССР называли не товарищем, а гражданином, значит, подчеркивали меру социальной ответственности за совершенный им проступок), в отношениях говорящих (смена

официального обращения (например, по имени и отчеству) на личное (просто имя) свидетельствует об изменении отношений на более близкие) и др. Данные особенности обращений как элементов лингвокультуры В. Е. Гольдин комментирует следующим образом: «При ломке общественного уклада, когда возникают новые социальные отношения, регулятивы не могут не меняться, ведь многие из них призваны отражать саму структуру общества, состав его социальных ролей. На политической арене появляются новые общественные типы, новые социальные слои делаются хранителями норм поведения. Идет укрепление новых обращений, и вокруг них нередко разворачивается упорная борьба. Обращения могут становиться символами социальных движений, обозначением общественных идеалов» [7, с. 86]. Подчеркнем, что исследователи говорят, с одной стороны, о богатом лексико-семантическом поле русских обращений, с другой – о том, что сегодня наиболее востребованные обращения к незнакомому человеку в литературном русском языке отсутствуют: обращения в наименовании гендерного признака – «мужчина» и «женщина» – считаются просторечными. Ученые называют данное явление «этикетной лакуной» [4, с. 15].

Обращения являются объектами исследования прежде всего лингвистики, они изучаются с точки зрения их статуса предикативности, полупредикативности или вводности, распространенности и нераспространенности, категорий модальности, времени, лица, числа, исследуется интонация обращений (звательная, восклицательная, интонация вводности и др.), способы выражения оценочной характеристики объекта речи, образности обращений (метафоры, метонимии, перифразы и др.) и др.

Для лингвокультурологов обращение является важной составляющей лингвокультуры, «языковой единицей, содержащей культурную информацию» [3, с. 5]. Изучение обращения с точки зрения лингвокультурологии чаще всего предполагает выявление его лингвокультурологического потенциала посредством проведения лингвокультурологического анализа, а значит, «установление того, как “работают” механизмы, включающие культуру в значение языкового знака» [3, с. 5], выявление всей совокупности культурных смыслов, заключенных в данном обращении как конкретном языковом явлении.

Лингвокультурологический анализ элементов речевого этикета, в том числе и обращений, заключается в раскодировании, постижении культурных смыслов – «совокупности экстралингвистических факторов, связанных с обозначаемой денотативной ситуацией» [10, с. 93], выраженных в языке, с помощью языка. То есть необходимо раскодировать ту самую «привязанную к стереотипным ситуациям функционально-семантическую микросистему языковых единиц, социально заданных и национально-специфических, регулирующих правила речевого поведения» [4, с. 3], которую исследователи называют речевым этикетом. Лингвокультурологический анализ обращений может способствовать выявлению закодированных в них культурологически обусловленных и лингвистически выраженных социальных установок.

Отметим, что при проведении лингвокультурологического анализа обращения важно определить сферу его употребления (официальную, деловую или личную, неформальную), а также выявить способ выражения обращения: прямое наименование имени, должности или степени родства адресата; иносказательное обращение посредством выражения отношения говорящего к адресату (например, Е. А. Непомнящих, анализируя обращения к возлюбленным, предлагает выделять: 1) обращения, образованные от имен собственных, 2) обращения-сравнения, 3) атрибутивные обращения, 4) прозвища, 5) обращения-звукоподражания [11, с. 89–91]).

Функционально-семантическая заданность этикетных формул определяется общей социально-исторической и конкретной ситуацией общения, коммуникативным намерением адресанта. Исследователи называют комплекс функций речевого этикета: регулятивная, опознавательная, идентификационная, коммуникативная, этическая, включая камуфлирующую, и эстетическая [4, с. 3]. Если обратимся к функционально-семантической характеристике обращений, то обнаружим, что обращение зародилось как «фигура речи – средство повышения эффективности и украшенности речи, а также как начальная часть композиции речи» [12, с. 7]. Ученые подчеркивают доминирующую коммуникативную роль обращений. Так, Н. И. Формановская справедливо называет обращение одним из средств «речевого действия», подчеркивает, что обращение способствует осуществлению коммуникации в самом широком смысле слова: установлению и поддержанию речевого контакта с собеседником, регулированию позиций партнеров речи в зависимости от их социальных ролей и личных взаимоотношений [13, с. 111]. В связи с этим современные исследователи выделяют среди функций обращений группу коммуникативных функций: «Основными коммуникативными функциями обращения считаются контактоустанавливающая, характеризующая, призывная (апеллятивная), т. е. привлечение внимания, установление и поддержание речевого контакта» [12, с. 7, 13].

Мнение ученых о количестве и наименовании функций обращений в речи различно. Например, Б. К. Фирдевс называет и описывает семь функций: номинативную (выделение адресата); вокативную (привлечение внимания); социально-регулятивную, или этикетную (обозначение статуса коммуникантов, степени их близости, характера их взаимоотношений); эмоционально-экспрессивную (выражение эмоций); оценочно-характеризующую (квалификация адресата); дискурсивную (обеспечение формальной и смысловой связности частей дискурса); дейктическую (уточнение, указание на адресата) [14, с. 74]. Ж. Е. Сейтжанов предлагает выделять девять функций обращений: номинативную; функцию привлечения внимания собеседника к сообщению, побуждение собеседника слушать, которая, как правило, сопровождает номинативную; функцию оценки адресата (положительная или отрицательная оценка адресата речи или нейтральное к нему отношение); перлокутивную функцию (функцию влияния на адресата для достижения цели); функцию идентификаций; дейктическую (указательную) функцию; функцию выражения вежливости; эмоциональную функцию (функция выражения эмоции); регулятивную функцию (обращение регулирует коммуникантов в процессе коммуникации) [15, с. 118]. В любом случае в лингвистических исследованиях подчеркивается полифункциональность обращений: они выполняют в речи одновременно несколько функций. Как отмечает Ж. Е. Сейтжанов, «образуется синкретизм функций» [15, с. 119].

Роль овладения лингвокультурологическим анализом компонентов речевого этикета, в том числе обращений, на занятиях по русскому языку велика: «обучая русскому языку и помогая постигать необъятный масштаб и объем культурных смыслов, заложенных в языке и посредством языка, формировать их мировоззрение, картину мира, систему ценностей» [16, с. 14], преподаватель не только обучает русскому языку и совершенствует речевые умения обучающихся, но и способствует «постижению ими базовых ценностей, отраженных как в ключевых концептах так и в текстах русской культуры, формированию их языковой личности» [16, с. 15].

Рассмотрим обращения Александра Сергеевича Пушкина в письмах к брату – Льву Сергеевичу Пушкину. Как отмечают ученые, «в имени человек пытается закрепить результат познания объекта, свое отношение к нему» [17, с. 296]. Конечно, обращения к брату относятся к личным, неофициальным, семейным. Любовное,

иногда ироничное отношение к младшему брату, выполнявшему различные поручения поэта, отражается в его обращениях: «милый брат» (24.09.1820, Кишинев), «Лев» (27.07.1821, Кишинев), «мой милый» (24.01.1822, Кишинев), «милый» (21.07.1822, Кишинев), «моя прелесть» (октябрь 1822, Кишинев), «благоразумный Лёвонька» (30.01.1823, Кишинев), «душа моя» (январь 1823, Кишинев; 25.08.1823, Одесса), «брат» (декабрь 1824, Михайловское; 14.03.2025, Тригорское), «Мой Лайон» (декабрь 1824, Михайловское) [18]. Трогательное отношение к брату аккумуляровано в стихотворении, посвященном брату:

*Брат милый, отроком расстался ты со мной –
В разлуке протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша – и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы¹.*

Отметим, что большинство обращений выполняет номинативную (называет адресата), вокативную, социально-регулятивную (показывает степень близости братьев, любовь и заботу друг о друге), эмоционально-экспрессивную (выражение эмоций: если изучать письма А. С. Пушкина к брату, можно заметить, что в более ранних письмах обращения к брату легкие и игривые, в более поздних – более сдержанные), оценочно-характеризующую функции (например, «благоразумный Лёвонька»). А вот обращение «мой Лайон» может потребовать небольшого культурологического комментария: это имя брата в английской транскрипции. Оно подчеркивает стремление автора к игре слов, его знание языков (что традиционно для представителей дворянской культуры), увлечение английской литературой. Это же наименование брата А. С. Пушкин употребляет в известном стихотворном письме Д. И. Вульффу из Михайловской ссылки:

*Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? – бутылок полный ящик,
Запируем уж, молчи! (20.09.1824) [18].*

Пушкин, играя словами, рифмует обращения: «Брат Лёв и брат Плетнёв» (15.05.1826) [18] в шуточном письме сразу к двум адресатам.

Также интересны обращения в письмах А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Их уместно назвать филонами – «ласковыми именами, употребляемыми при обращении к любимым» [19, с. 153]. Если в письмах к Гончаровой-невесте автор употребляет обращения в соответствии с правилами приличия, свидетельствующие о соблюдении социальной дистанции: «Ma bien chère, ma bien aimable Наталья Николаевна» («Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна») (09.09.1830, Болдино), «Милостивая государыня, Наталья Николаевна» (около 29.10.1830, Болдино), то в письмах к жене обращения становятся теплыми, душевными и разговорными:

¹ URL: <https://www.culture.ru/poems/4666/l-pushkinu> (дата обращения: 28.07.2023).

«мой ангел» (21.08.1833; 02.09.1833) «ангел мой Таша» (21.08.1833; 02.09.1833 г.), «душка моя» (19.04.1834, Петербург), «ангел кротости и красоты» (02.10.1835, Михайловское), «царица моя» (04.05.1836, Москва) [20] и др. Е. А. Непомнящих, изучая в целом обращения возлюбленных друг к другу, относит подобные обращения к обращениям-сравнениям и атрибутивным обращениям [11, с. 91]. Но самое употребительное обращение Пушкина к Н. Н. Пушкиной – *женка*: «Здравствуй, женка, мой ангел» (08.12.1831, Москва), «жена моя милая, женка мой ангел» (30.04.1834, Петербург), «милая моя женка» (02.10.1835, Михайловское) и др. [20]. Эти обращения в классификации Е. А. Непомнящих относятся к наименованиям родства и брачных отношений [11, с. 91]. Как отмечают исследователи, «в быту происходит снижение порога вежливости, многие этикетные формулы редуцируются или вообще не используются» [21, с. 7] и «обращения, используемые в рамках семейного дискурса, характеризуются преобладанием в них оценочно-характеризующей и номинативной функций и в гораздо меньшей степени функции этикетно-регулятивной» [22, с. 44].

В письмах, когда поэт за что-то выговаривает жене, используется более спокойное, более холодное обращение *друг* как «прием речевого отчуждения» [23, с. 159], «дисгармоничный “дистанционный” регулятив» [24, с. 307]: «Милый мой друг» (16.12.1831, Москва), «Милый друг мой» (02.10.1833, Болдино), «Вчера получил я, мой друг, два от тебя письма. Спасибо; но я хочу немножко тебя пожуричь...» (30.10.1833, Болдино); «Что это, мой друг, с тобою делается? вот уж девятый день, как не имею о тебе известия» (03.06.1834, Петербург) [20].

Таким образом, обращения в письмах А. С. Пушкина к Н. Н. Гончаровой выполняют номинативную, вокативную, социально-регулятивную функции (демонстрируют наличие или отсутствие социальной дистанции), эмоционально-экспрессивную (выражение душевного расположения, душевного отношения или беспокойства), оценочно-характеризующую функции («ангел», «царица», «красавица моя» и др.).

Обращения в письмах А. С. Пушкина могут более ярко демонстрировать социально-регулятивную и эмоционально-экспрессивную функции в письмах. Например, официальное обращение к издателю журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевому: «Милостивый Государь!» (02.08.1825, Михайловское) [18]; дипломатически вежливое – к издателю и критику Н. И. Гнедичу: «Благодарю вас, любезный и почтенный, за то что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника» (13.05.1823, Кишинев) [18]; к старшему мудрейшему другу и учителю, высокопоставленному В. А. Жуковскому: «милый, почтенный друг» (29.11.1824, Михайловское) [18]. Другие, более простые и душевные обращения А. С. Пушкин использует в письмах к друзьям: «милый Бестужев» (А. А. Бестужеву, 13.06.1823, Кишинев), «мой Дельвиг», «душа моя» (А. А. Дельвигу, 16.11.1823, Одесса) и др. [18].

Элементы культурологического анализа для понимания обращений становятся необходимыми в том случае, когда они метафоричны, выражены перифразами или свидетельствуют об интертекстуальных связях. Например, А. С. Пушкин называет А. А. Дельвига в письме из Кишинева (23.03.1821) «Друг Дельвиг, мой парнасский брат» [18]. Парнас – «(греч. Parnas(s)os) – горный массив в Фокиде (Сред. Греция), считающийся местом пребывания Аполлона и муз. <...> В иноказательном смысле Парнас – это мир поэтов и поэзии» [25]. Следовательно, перифраза «парнасский брат» подчеркивает братские отношения двух поэтов, единство поэтического мира, который ими создавался в поэтических произведениях.

Более сложные культурные смыслы закодированы в обращениях А. С. Пушкина к одному из самых близких друзей – Петру Андреевичу Вяземскому: «милый Асмодей» (14.10.1823 г. Одесса), «милый и почтенный Асмодей» (4.11.1823) [18],

а в письме, отправленном около 24 сентября 1824 г., называет его «сатирик и поэт любовный наш Аристип и Асмодей» [18]. Асмодеем П. А. Вяземского называли в литературном обществе «Арзамас». Д. П. Ивинский в комментариях к письмам А. С. Пушкина пишет о П. А. Вяземском: «Галломан, модник, претендовавший на скрупулезное знание “туалетного уложения”... игрок, “прокипятивший в карты около полумиллиона”, наносивший яростные удары по литературным репутациям “халдеев ‘Беседы’”» [26, с. 210]. Либеральные взгляды П. А. Вяземского также отразились в обращении к нему Пушкина – «милый Европеец» [18]. Об употреблении второго имени – древнегреческого философа Аристиппа, ученика Сократа и основателя гедонистического направления философии – исследователи пишут следующее: «Одновременное отождествление его с Аристиппом откровенно парадоксально: если Асмодей культивирует страсти, то Аристипп их ограничивает, стремясь к разумному блаженству. «Аристипп и Асмодей» – эпиграмматически лапидарное указание на два «полюса» личности Вяземского, вряд ли соотносимое чересчур прямолинейно с противопоставлением его «эпикурства» и «гераклитства» [26, с. 210]. Таким образом, прецедентные имена, употребленные в роли обращений «сворачивают», аккумулируют большой комплекс смыслов, понятный тому кругу людей, в котором они употребляются, кодируют информацию.

Опираясь на изложенные сведения, сформулируем логику лингвокультурологического анализа обращений. Итак, лингвокультурологический анализ обращений подразумевает как минимум три этапа: во-первых, определение вида обращения на основе сферы его функционирования (официальной или личной) и способов его выражения (прямая номинация по имени, указание на степень родства или роль в семейных отношениях; сравнение; атрибуция; прозвище; звукоподражание и др.); во-вторых, выявление функций, которые выполняет обращение в данном контексте, в зависимости от сферы функционирования и в связи со способами выражения (номинативную (выделение адресата); вокативную (привлечение внимания); социально-регулятивную, или этикетную (обозначение статуса коммуникантов, степени их близости, характера их взаимоотношений); эмоционально-экспрессивную (выражение эмоций); оценочно-характеризующую (квалификация адресата); дейктическую (уточнение, указание на адресата) (по: [14, с. 74]); в-третьих, в случае метафоричности и/или интертекстуальности обращения выявляются их дополнительные смысловые наращения путем культурологического комментария.

Выводы

Представленная логика лингвокультурологического анализа обращений позволяяет выявлять непосредственную взаимосвязь культурных стереотипов, речевых формул и правил поведения, позволяет осмысливать наличие и отсутствие социальной дистанции между адресантом и адресатом, особенности социальных отношений коммуникантов, эмоциональную насыщенность и оценочность в отношении адресата, восстанавливать реалии жизни. На основе лингвокультурологического анализа обращений возможно составление социального портрета говорящего: его возраста и образованности, воспитанности, пола и места рождения, той социальной роли, в которой он выступает в данном речевом акте.

Лингвокультурологический анализ элементов речевого этикета в целом дает возможность в процессе исследования языка постигать их «социальный символизм», осмысливать формулы речевого этикета как «слитки» культуры, учит определять в них отпечаток культуры определенного социума, а значит, более

глубоко постигать лингвокультуру носителей языка. Использование разработанной модели лингвокультурологического анализа компонентов речевого этикета в процессе обучения русскому языку как родному и как иностранному дает возможность обучающимся более эффективно осваивать семантику и функционирование этикетных формул.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Речевой этикет // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л. М. Алексеева и др.]; под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 354–358.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
3. Маслова В. А., Бахтикирева У. М. Лингвокультурологический анализ: учебник для вуза. М.: Юрайт, 2022. 245 с.
4. Лунева В. В. Речевой этикет как гиперсемиотическое образование: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2011. 20 с.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976.
6. Акишина А. А., Формановская Н. Н. Русский речевой этикет. М.: Русский язык, 1983. 181 с.
7. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.
8. Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). М.: Знание, 1982. 156 с.
9. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Специализированный вестник КрасГУ. 2000. Вып. 11. С. 83–88.
10. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 224 с.
11. Непомнящих Е. А. Обращения к возлюбленным в современной молодежной среде // Вестник ТвГУ. Сер.: «Филология». 2018. № 3. С. 87–92.
12. Бага Ибрахим. Типы и функции русского обращения как именованья адресата в разных видах словесности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 28 с.
13. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
14. Фирдевс Б. К. Обращение в современном русском языке: виды и функции // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 74–76.
15. Сейтжанов Ж. Е. О статусе, формах и функциях обращения // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2012. № 17 (271): Филология. Искусствоведение. Вып. 66. С. 117–119.
16. Левушкина О. Н. Лингвокультурологический анализ как основа ценностно ориентированного урока русского языка // Русский язык в школе. 2023. № 84 (3). С. 7–16.
17. Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 277–340.
18. Пушкин А. С. Письма / под ред. и с примеч. В. Л. Модзалевского. Т. I: 1815–1825. Труды Пушкинского дома Академии наук СССР. М.–Л.: Гос. изд-во. 1926.
19. Эпштейн М. Н. Любовные имена: введение в эротонику // Октябрь. 2006. № 7. С. 153–173.
20. Пушкин А. С. Письма к жене. Л.: Наука, 1986. 268 с. (АН СССР. Литературные памятники).
21. Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.
22. Голикова В. В. Функции обращения в семейном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2007. № 1 (5). С. 38–45.
23. Байкулова А. Н. Семейная беседа // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 151–163.

24. Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 395 с.
25. Лисовый И. А., Ревяко К. А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.
26. Ивинский Д. П. Вяземский и «Арзамас»: Из комментария к письмам А.С. Пушкина // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 199–214.

REFERENCES

1. Duskaeva L. R., Protopopova O. V. Rechevoy etiket. In: Alekseeva L. M. et al. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka*. Ed. By M. N. Kozhina. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. Pp. 354–358.
2. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya: ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedeniy*. Moscow: Izd. tsentr “Akademiya”, 2001. 208 p.
3. Maslova V. A., Bakhtikireeva U. M. *Lingvokulturologicheskiy analiz: ucheb. posobie dlya vuza*. Moscow: Yurayt, 2022. 245 p.
4. Luneva V. V. Rechevoy etiket kak gipersemioticheskoe obrazovanie: lingvopragmaticheskiy aspekt. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Rostov-on-Don, 2011. 20 p.
5. Rozental D. E., Telenkova M. A. *Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov*. Moscow: Prosveshchenie, 1976.
6. Akishina A. A., Formanovskaya N. N. *Russkiy rechevoy etiket*. Moscow: Russkiy yazyk, 1983. 181 p.
7. Goldin V. E. *Rech i etiket*. Moscow: Prosveshchenie, 1983. 109 p.
8. Formanovskaya N. I. *Vy skazali: “Zdravstvuyte!” (Rechevoy etiket v nashem obshchenii)*. Moscow: Znanie, 1982. 156 p.
9. Formanovskaya N. I. Obrashchenie s tochki zreniya kommunikativno-pragmaticheskogo podkhoda. *Spetsializirovanny vestnik KrasGU*. 2000, Iss. 11, pp. 83–88.
10. Alefirenko N. F. *Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: ucheb. posobie*. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 224 p.
11. Nepomnyashchikh E. A. Obrashcheniya k vozlyublennym v sovremennoy molodezhnoy srede. *Vestnik TvGU. Ser.: „Filologiya“*. 2018, No. 3, pp. 87–92.
12. Bagna Ibrakhim. Tipy i funktsii russkogo obrashcheniya kak imenovaniya adresata v raznykh vidakh slovesnosti. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Moscow, 2004. 28 p.
13. Formanovskaya N. I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya*. Moscow: In-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina, 1998. 291 p.
14. Firdevs B. K. Obrashchenie v sovremennom russkom yazyke: vidy i funktsii. *Vestnik VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*. 2017, No. 4, pp. 74–76.
15. Seytzhанov Zh. E. O statusе, formakh i funktsiyakh obrashcheniya. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta*. 2012, No. 17 (271): Filologiya. Iskusstvovedenie. Iss. 66, pp. 117–119.
16. Levushkina O. N. Lingvokulturologicheskiy analiz kak osnova tsennostno orientirovannogo uroka russkogo yazyka. *Russkiy yazyk v shkole*. 2023, No. 84 (3), pp. 7–16.
17. Znadvorova A. V. Otrazhenie sotsialnoy differentsiatsii yazyka v yazykovoy zhizni malykh sotsialnykh grupp (na primere semyi). In: *Sovremenny russkiy yazyk: Sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya*. Moscow: Yazyki slavyanskoй kultury, 2003. Pp. 277–340.
18. Pushkin A. S. *Pisma*. Ed. by V. L. Modzalevsky. Vol. I: 1815–1825. Trudy Pushkinskogo doma Akademii nauk SSSR. Moscow – Leningrad: Gos. izd-vo. 1926.
19. Epshteyn M. N. Lyubovnye imena: vvedenie v erotonimiku. *Oktabr*. 2006, No. 7, pp. 153–173.
20. Pushkin A. S. *Pisma k zhene*. Leningrad: Nauka, 1986. 268 p. (AN SSSR. Literaturnye pamyatniki).
21. Baykulova A. N. Rechevoe obshchenie v semye. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Saratov, 2006. 20 p.

22. Golikova V. V. Funktsii obrashcheniya v semeynom diskurse. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2007, No. 1 (5), pp. 38–45.
23. Baykulova A. N. Semeynaya beseda. In: Khoroshaya rech. Ed. by M. A. Kormilitsyna, O. B. Sirotinina. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2001. Pp. 151–163.
24. Nesterova T. V. Pragmatika obrashcheniy-antroponimov v semeynoy sfere. *PhD dissertation (Philology)*. Moscow, 1999. 395 p.
25. Lisovyy I. A., Revyako K. A. *Antichnyy mir v terminakh, imenakh i nazvaniyakh: Slovar-spravochnik po istorii i kulture Drevney Gretsii i Rima*. Ed. by A. I. Nemirovskiy. Minsk: Belarus, 2001.
26. Ivinskiy D. P. Vyazemskiy i “Arzamas”: Iz kommentariya k pismam A. S. Pushkina. *Literaturnyy fakt*. 2016, No. 1–2, pp. 199–214.

Левушкина Ольга Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания русского языка, Московский педагогический государственный университет

e-mail: levushkinaon@mail.ru

Levushkina Olga N., ScD in Education, Associate Professor, Professor, Russian Language Teaching Methods Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: levushkinaon@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.07.2023

The article was received on 31.07.2023